

Актриса
Ольга Болдырь:

Она была замужем за владельцем крупной сети торговых супермаркетов. Кажется, ни в чем не нуждалась. Но, прожив в браке с олигархом 12 лет, вдруг решила, что лучше посвятить всю себя актерской карьере, чем одиночеству в семье. В один день объявила мужу о своем уходе (хотя чувства живы) и переехала из особняка в спальный район Москвы. Теперь она сама пробивается на российский актерский олимп и пишет сценарий. О том, почему богатые тоже плачут, и о поиске лучшей роли Ольга Болдырь, снявшаяся в сериалах «Кулагин и партнеры», «Холостяки», «Коммунальная квартира», «Amsterdam» и «Classic cafe Bach» (Голландия), рассказывала «Собеседнику».

«В браках с олигархами многие жены несчастны»

— Что может заставить отказаться от удачливого мужчины и устроенной жизни? Призрачная карьера? Не верится.

— Я бы не говорила, что ушла от мужа ради карьеры. Пусть прозвучит высокопарно, но я ушла, чтобы не потерять себя окончательно. Такое произошло со мной и происходит со многими женами богатых людей. Не тех, чьи богатства

Ушла от мужа, чтобы играть

вышли из тени, а людей, создавших системы, работающие до сих пор — «Альфа», «Перекресток», «Партия»... Это поколение 40-летних мужчин: мой муж, Михаил Фридман, Вячеслав Сурков и другие.

Я могу описать уровень их жен. Назовем их первым эшелонам. Все спутницы олигархов — дамы образованные и творческие. Жена Суркова создавала потрясающие куклы. Жена Фридмана, имея техническое образование, закончила курс по истории искусств здесь и в Сорбонне, где была признана лучшей среди иностранных студентов. У меня самой, помимо актерского образования, есть дипломы математика и переводчика.

— Обеспеченные, интеллигентные семьи. Что плохого-то?

— Такого рода мужчины — игроки по жизни. И одиночки. Их единственная страсть — работа. Эти люди уже однажды женились — на своей работе. Поэтому приходится жить не совместно с ними, а около них. И желательно тихо.

— А любовь?..

— Трагедия в том, что они путают любовь с ощущением любви. Я раньше увлекалась съемками корпоративных фильмов. Помню, принесла свой первый фильм и сказала мужу: «Давай посмотрим». Он ответил: «Молодец, здорово, что ты это сделала! Можно я завтра посмотрю?» Я спрашиваю: «Почему завтра?» — «Мне кров из носу надо посмотреть телевизор, потом статью прочитать, потом отдохнуть. Если я сегодня не отдохну, ты же знаешь, я завтра не смогу встать на работу». Обвинять или обижаться на такого человека невозможно. Что остается? Ждать.

— И только?

— Пыталась увлечься его интересами. У моего мужа страсть к виндсерфингу. Интересный вид спорта, но для женщины, актрисы — сложный. Пока учишься, ходишь с синяками... Многие годы я ездила с мужем, пока не поняла, что не могу физически осилить виндсерфинг, как бы ни хотела быть рядом.

До сих пор помню, как отдыхали в Малаге с дочерью. Первое, что он сказал, когда

От богатого мужа отказаться можно. Сложнее — от самого богатства

приехал: «А мне говорили, здесь есть ветер». До Тарифы, где ветер, нужно было гнать 4 часа на машине. Был выбор: либо провести с семьей несчастный уикенд, который муж мне выделил, но тогда ему будет скучно, либо ехать с ним. Я поняла, что у меня два ребенка: один хочет сказок, другой — ветра. Мы ехали туда — у него глаза блестели, а я наслаждалась тем, что рядом. А потом муж взял парус, и его не было несколько часов. И меня одолело дикое ощущение одиночества. Я поняла, что не алых парусов жду и не принца, а пытаюсь участвовать в том, где меня нет. Не могу читать книгу, не могу загорать, не могу плавать на этом серфинге. А что могу — сидеть на берегу?

— Выход нашли сами или подсказал кто?

— Единственный выход был — вырваться из этой жизни и уйти от человека, которого любила. И идти своей дорогой в состоянии полного одиночества. Пробиваться, оставив материальные блага...

«Из особняка в спальный район»

— Так уж и оставив?

— Я не обсуждала никаких материальных условий и многое потеряла. Но я себя за это уважаю, за это меня уважает человек, с которым я прожила 12 лет. Мне это важно.

— Трудно сразу забыть о шике?

— Когда ты уходишь от человека, а не от дома, машины, горничных, в какой-то момент быт перестает быть важным, ты с ним легко расстаешься. Я ушла из 5-этажного особняка в спальный район, оставила друзей, знакомых. Но я почувствовала себя свободной.

Я поняла, что такие браки, как был у меня — период эмоционального одиночества для женщины. Зато теперь я знаю, что если мне не с кем поделиться, то это потому, что я живу одна, а не по другим причинам. Объяснение меня устраивает.

— А бесчисленные кастинги, которые приходится посещать, не кажутся унижительными?

— На днях был очень неприятный кастинг. Все сильно зависит от того, кто их проводит. Нередко актрис вызывают на неподготовленный кастинг. Когда ты несешь не только свою внешность, но и душу, а сталкиваешься с ледяными глазами — это очень обидно.

Зато в тот же день прошел второй кастинг, который стал отдушиной. Несмотря на усталость, режиссер не считал за труд отнестись к актрисам как к коллегам. Он два часа рассказывал о героине. Я потом всю ночь анализировала этот образ, заду-

малась о своей жизни... Мне интересны не многосюжетные фильмы, а те, в которых у актера идет внутренняя работа.

— Вы сейчас такие видите?

— У нас на экране что ни красавица, то или дура, или интриганка. А красивая, умная, глубокая и тонкая — такого образа у нас пока не появилось. Я же в героинях ищу именно такое. В наших фильмах просто красота мир уже не спасает. Образы Карениной, Настасьи Филипповны остались в прошлом, а такие характеры и хочется играть. Если были такие женщины раньше, если был декабризм, куда все делось?

— Ушло вместе с нашими прабабушками.

— Это осталось, просто никак не появится на экранах. Впрочем, мне кажется, все к тому идет. С Натальей Довженко, режиссером ВГИКа, мы разрабатываем сценарий про двух героинь. Одна живет в Италии, другая в России. Внешне они благополучны, и после первых минут фильма у зрителя должен возникнуть вопрос: чего еще желать? Все же хорошо. Но если было бы все так просто, то счастливых людей было бы больше. Внешне успешные, героини на самом деле не только сильные, но и очень одинокие. Они помогают друг другу преодолевать трудности и находят себя.

— Вот сильная Корикова вернулась домой и успешно нашла себя в сериалах.

— Не всем так везет. Непросто войти в круг после долгого отсутствия в стране. Даже таким звездам, как Олег Тактаров, у которого 15 фильмов в Голливуде, несколько ролей с Де Ниро. Известность на родине приходится зарабатывать заново.

— Но сейчас легче пробиваться в кино, чем 2 года назад, когда вы вернулись из Голландии?

— У нас строящийся кинорынок. Царит дикий хаос, через который пробиваться сложно всем. Существует проблема: есть продюсеры и режиссеры, которые ищут новых актеров, и есть актеры, которые хотят и могут сниматься, но нет четкого обмена данными.

— Почему? Есть несколько крупных агентств.

— Да, но позвоните туда и услышите: «База данных переполнена. Мы ни в ком не нуждаемся». Я, вернувшись в Россию, прошла этим рабоче-крестьянским путем. При этом все кричат, что ищут новые лица. То, что в Москве я стала известна — результат упорства, твердолобости. Если бы мне было 18 лет, желание могли сломать. Пробиться сквозь хаос сверхсложно. Здорово, что Лена Корикова, приехав из-за границы, сыграла в «Бедной Насте». Но это редкость. Многие не знают, в какую дверь стучаться, чтобы о тебе хотя бы узнали.

— И прошлые связи никак не помогли?

— Я всегда честно получаю свои роли, в 80 процентах добиваюсь успеха... Будут ошибки, но они будут моими, как и удача. Я ушла, чтобы расти. Рост не бывает по связям, только через тернии. За это меня уважает и муж, и те, с кем я снималась в кино. Я могу работать, как и все, — так же не спать, много читать... Жила бы по связям — не ушла бы от мужа. Теперь я зарабатываю сама, хотя муж помогает содержать ребенка.

— И что в остатке? Нашли, что искали?

— Да. Я поняла, что нахожусь на правильном пути. Я обязана была полностью изменить свою жизнь, чтобы заново начать чувствовать.

■ Ольга Сабурова.